

10 Фев 1984

МАГНИТОГОРСКИЙ РАБОЧИЙ
г. Магнитогорск

РАБОЧИЙ

Улыбка Ладыниной

НАШИ
ИНТЕРВЬЮ

Это знак далекой эпохи — улыбка Марины Ладыниной. Это примета времени. Это молодость наших родителей.

В 30—40—50-е годы популярность Ладыниной была всенародной. Сейчас, когда много фильмов и много звезд, трудно представить ее масштабы.

Звезд тех лет любили все.

Я специально решил провести беседу в обстановке, максимально приближенной к «боевой» — за кулисами Дворца культуры имени Серго Орджоникидзе, во время концерта, чтобы хоть немного почувствовать ритм ее жизни.

И еще раз восхитился тем, что значит «быть в форме».

Я стоял у двери, ведущей на сцену, и слушал. Песня из «Кубанских казаков» легко и просто возвращала ощущение детства, голос был молодой и чистый, а в долгих-долгих аплодисментах слышался гул времени.

Потом я было пожалел, что разговаривали мы не в идеальных условиях, а в суете закулисы. Но народной артистке СССР Марине Алексеевне Ладыниной суета не мешала.

— Готовясь к предстоящей беседе с вами (да, я считаю честь, когда человек выражает интерес к моему творчеству — это нормальное чувство актера), думала я прежде всего о зрителях. О сегодняшнем зале. О верности зрительских сердец.

— Эту любовь передало нам старшее поколение, которое росло вместе с вашими фильмами и вашими ролями. А вот что мы передадим нашим детям — и мир стал сложнее, и искусство...

— Все-таки поспорю с вами. Конечно, сейчас огромное количество картин, очень разных форм художественного выражения. Но главное остается главным, высоким — высоким. Это то, что затрагивает лучшие струны человеческого «я», любовь к чему и будет передаваться.

Вам нравятся, к примеру, фильмы Никиты Михалкова? Мне — очень. И в режиссуре, и в актерских его работах вижу ум, талант и доброту. Фильм «Неоконченная пьеса для механического пианино» меня просто потряс. И как у такого молодого режиссера сыграли все артисты — просто поразительно. Ведь каждый играет на тончайших нюансах...

Но мы рискуем сейчас уклониться в теоретические дебри, поэтому лучше свернуть — в мое конкретное сиюминутное ощущение. Я только что пришла со сцены. И знаете, слова «Каким ты был, таким остался» можно полностью отнести к моему сегодняшнему зрителю. Те аплодисменты, которые слышу при объявлении моей фамилии перед выходом на сцену, — это сейчас главная точка моего душевного равновесия.

Особенно сегодня, 7 февраля, в годовщину смерти Ивана Александровича Пыррева, замечательного режиссера и главного «виновника» успеха всех наших совместных картин.

Жизнь — отнюдь не вечный праздник... Мое поколение пережило войну. Уход близких людей. И моя главная опора — это зритель.

А обеспечил эту дружбу со зрителем мне и многим моим товарищам-актерам прежде всего Иван Александрович Пыррев. Прекрасно, когда в искусстве есть радость, которая заражает зрителя. Картины Пыррева удивительно оптимистичны. Сюжет несложный, люди обыкновенные, но каждого героя он сумел наделять таким ярким характером, что зритель не мог скучать. А музыка! Песни Дунаевского, Хренникова из комедий Ивана Александровича сразу стали любимыми... Они отразили эпоху.

— Когда показывают фильм с вашим участием и есть время посмотреть, всегда ли вы включаете телевизор?

— Не все фильмы смотрю с интересом к себе. А любимая картина — «Свинарка и пастух», которая всегда мне интересна.

— Марина Алексеевна, но вы в этом случае не можете быть просто зрителем...

— Вы хотите сказать, не испытываю ли я каких-то сожалений об ушедшей молодости? Видите ли, свойство моего характера — профессиональный взгляд на себя, исключаящий в такие моменты все субъективно-ностальгическое. Да и смотрю я не себя, а то, что сыграла. Мои героини так отдалены от меня, что я вижу их как будто заново.

Мне страшно нравится моя Глаша из фильма «Свинарка и пастух», чистый, немножко наивный, смешной, прекрасный человек. Думаю, и в Галине Ермолаевне из «Кубанских казаков» найден характер.

И своя тайна, недосказанность — помните, в песне моя героиня поет: «Я всю войну тебя ждала». За этим же целая судьба, выраженная песней, намеком...

— А бывает ли так, что вам снятся ваши роли, что-то связанное с воспоминаниями о них? Тут уже, наверное, чисто субъективный взгляд. Подсознание ведь не обманешь...

— Интересно... Вы говорите о часто повторяющихся снах, характерных?

— Да, конечно.

— Один сон повторяется очень часто. Будто бы я опаздываю на спектакль. Часы бегут, скоро мой выход — и так боюсь опоздать...

Я ведь начинала как театральная актриса во МХАТе (после окончания ГИТИСа, куда приехала поступать из далекого сибирского села). Играла в спектаклях «Егор Булычов и другие», «В людях», «Двадцать шесть и одна», «Квадратура круга».

А реплики из картин... Они вспоминаются неожиданно, вплетаются в речь. Услышала сегодня слово «чудеса» и сразу говорю: «А у нас все леса да леса», — как моя Глаша. Вдруг всплывают какие-то куски текста, отдельные фразы. Вот так в подсознание «врезана» фраза из фильма «В шесть часов вечера после войны»: «Теперь война... Теперь с любовью шутить нельзя...» Тоже порой произношу ее помимо воли, не думая об этом.

— Кинематограф многое вам подарил. Но недодал, на мой взгляд, еще больше...

— Как-то подошел ко мне один человек и говорит: «Вы перед всеми нами, зрителями, виноваты. Почему же так долго не снимаетесь? А я отвечаю: «Я же без вины виноватая...»

Есть чувство колоссальной неудовлетворенности, что не смогла отплатить зрительской любви серьезными, глубокими работами за такой большой период вынужденного простоя.

В последней моей работе в кино (я очень люблю этот фильм, «Испытание верности» — так он называется) вроде бы начала открывать новый счет. Роль была не похожа на предыдущие. Но увы...

— Марина Алексеевна, представим, что у вас была возможность сниматься и играть то, что вы хотите. Что бы вы сыграли за эти годы?

— Я бы сыграла драматические роли. К сожалению, когда в советском кино начали активно экранизировать классику, мне уже предложений не поступало. А я бы хотела играть в экранизациях. Особенно по Островскому. Да что об этом говорить... Сейчас думаю, что театр — более прямая и более счастливая дорога актерской жизни.

Стараюсь сейчас максимально использовать то, что отпущено. Это — эстрада. Работаю и в групповых концертах, как сейчас, и в сольных. Читаю стихи Блока, Ахматовой, Есенина. Всегда — Бернса, поэта, который близок мне по мироощущению, которого очень люблю прежде всего за юмор, за жизнерадостность. Юмор — вещь незаменимая. С ним легче.

— Очень хорошо о вас отзывался Борис Федорович Андреев — мне довелось с ним говорить незадолго до его смерти...

— О, мы были большими друзьями. У нас была такая замечательная группа коллег — Андреев, Крючков, Алейников... Дружба помогала во всем, и поэтому работали весело, и удавалось многое. Потом мы виделись реже. Но каждая встреча была такой, словно не расставались.

— Я слышал, как вы профессионально распевались перед концертом.

— Серьезно занимаюсь пением. Раньше просто так напевала, а сейчас учусь. Учиться надо всегда.

— Меня удивляет, как это вы за такие долгие трудные годы, не снимаясь почти 30 лет, сумели сохранить вкус к работе, к жизни...

— Своих молодых коллег, с которыми я счастлива вместе выступать, я тоже этим удивляю. Чувство радости жизни человек не должен терять никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Последние слова она говорила уже на ходу — спешила на сцену. К тем людям, чьей любовью живет.

А мы с вами еще раз тихо скажем ей спасибо — за Маринку Лукаш и Марьяну Бажан, Глашу Новикову и Галину Ермолаевну.

За ее улыбку, которая светит нам сквозь годы.

Беседу вел
В. МОЗГОВОЙ.